

## МУЗЫКА В ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ И ВЗАИМОСВЯЗЯХ

Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2025. № 1 (76). С. 50–57.

Actual problems of high musical education. 2025. No 1 (76). P. 50–57.

Научная статья

УДК 78

DOI: 10.26086/NK.2025.76.1.007

### Рустем Яхин и другие выдающиеся современники: интервью с Эдуардом Трескиным

Шайхутдинов Рустам Раджапович<sup>1</sup>, Сафина Лейла Раисовна<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Московский государственный институт музыки имени А. Г. Шнитке,  
Москва, Россия

<sup>1</sup> E-mail: shaykhutdinovrr@schmittke.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3406-7620>

<sup>2</sup> E-mail: safina.leila@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5938-8271>

**Аннотация.** Интервью с Народным артистом Татарстана Эдуардом Германовичем Трескиным сосредоточено вокруг творческого сотрудничества с соотечественником музыканта, татарским композитором-пианистом Рустемом Яхиным. В ходе беседы Эдуард Германович делится воспоминаниями о ярких событиях своей творческой биографии, рассказывает о знаковых встречах с выдающимися современниками. В интервью затрагиваются вопросы о национальном своеобразии музыкально-исполнительского искусства, об отличительных особенностях татарской музыки и трудностях в ее исполнительской интерпретации.

**Ключевые слова:** Э. Г. Трескин, Р. М. Яхин, исполнительство, вокальная музыка, татарская культура, национальное своеобразие

**Для цитирования:** Шайхутдинов Р. Р., Сафина Л. Р. Рустем Яхин и другие выдающиеся современники: интервью с Эдуардом Трескиным // *Актуальные проблемы высшего музыкального образования*. 2025. № 1 (76). С. 50–57. <http://doi.org/10.26086/NK.2025.76.1.007>

## MUSIC IN ITS ARTISTIC PARALLELS AND INTERRELATIONS

Original article

### Rustem Yakhin and other outstanding contemporaries: interview with Eduard Treskin

Shaykhutdinov Rustam R.<sup>1</sup>, Safina Leila R.<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Moscow A. Schnittke State Music Institute,  
Moscow, Russia

<sup>1</sup> E-mail: shaykhutdinovrr@schmittke.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3406-7620>

<sup>2</sup> E-mail: safina.leila@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5938-8271>

**Abstract.** The interview with the People's Artist of Tatarstan Eduard Germanovich Treskin is focused on creative cooperation with the musician's compatriot, Tatar composer-pianist Rustem Yakhin. In the course of the conversation Eduard Germanovich shares his memories of vivid events of his creative biography, tells about significant meetings with outstanding contemporaries. The interview touches on the national originality of musical performing art, the distinctive features of Tatar music and the difficulties in its performing interpretation.

**Keywords:** E. G. Treskin, R. M. Yakhin, performance, vocal music, Tatar culture, national originality

**For citation:** Shaykhutdinov R. R., Safina L. R. Rustem Yakhin and other outstanding contemporaries: interview with Eduard Treskin. *Aktualnye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya* = *Actual problems of high musical education*. 2025; 1(76); 50–57 (In Russ.). <http://doi.org/10.26086/NK.2025.76.1.007>

*В век физиков и лириков  
Мы в шутку и всерьез  
Ходили на свидания  
С букетом алых роз.  
(Д. Гренадер)*

Одним из своеобразных и значительных периодов в истории отечественной культуры являются 50–60-е годы XX века. В это время, называемое эпохой «оттепели», в советском обществе появляется новое поколение интеллигенции,

вошедшее в историю как поколение «шестидесятников» [1; 2]. Этот термин утвердился после выхода в журнале «Юность» в декабре 1960 года статьи критика С. Б. Рассадина, в которой автор провел аналогию поколения писателей конца 1950-х годов с демократической интеллигенцией 1860-х годов, активно боровшейся с самодержавным строем, инертностью, духовным спадом [3, с. 569]. Это определение С. Б. Рассадина стало впоследствии названием целой эпохи и генера-

ции людей, которая противостояла тоталитарной политической системе, жесткой цензуре, критическому восприятию демократических начал. Емко и образно передает суть рассматриваемого явления высказывание яркого представителя этого поколения, поэта-шестидесятника Е. А. Евтушенко: «“Шестидесятники” — это поколение генетически предрасположенных к страху, но начавших его побеждать» [4, с. 7].

Одной из острых тем для дискуссий в тот период стал вопрос, что первостепенно для общества — наука или искусство. Этот спор возник между представителями двух взаимосвязанных, но разных сфер — научно-технической и гуманитарной. Первые обобщенно назывались «физиками», а вторые — «лириками». Своеобразной «иллюстрацией» этого спора, в чем-то типичной, в чем-то уникальной, является творчество одного из выразителей той эпохи — Эдуарда Германовича Трескина<sup>1</sup> [5].

Будущий солист российских и европейских оперных театров в свое время успешно окончил физический факультет Казанского государственного университета (1971), но еще во время учебы почувствовал непреодолимую тягу к музыке<sup>2</sup>. Так, одновременно с математическим образованием он начал получать образование музыкальное: поступил в Казанскую консерваторию по классу вокала. Сразу после окончания консерватории (в 1973 году) певец погрузился в активную концертную деятельность, побывал в более чем девяносто четырех странах и пел не только на самых знаменитых концертных площадках мира, но и даже в Антарктиде.

Многие друзья и коллеги Эдуарда Трескина отзываются о нем как о человеке исключительной образованности. «Эдуард не только замечательный певец, он — замечательный мыслитель. Он, действительно, редкость — поющий интеллектуал», — так написал о своем друге поэт Евгений Евтушенко [6].

Благодаря многогранной деятельности Эдуард Трескин дружил и общался со многими выдающимися личностями своего времени. Отправной точкой нашего интервью послужило творческое сотрудничество с соотечественником музыканта, татарским композитором-пианистом Рустемом Яхиным. Вместе с тем в ходе беседы раскрываются интересные штрихи к портрету самого Эдуарда Германовича, касающиеся его художественно-эстетических взглядов, круга общения, ярких моментов творческой биографии.

Одной из примечательных тем беседы стал также вопрос о национальном своеобразии музыкально-исполнительского искусства. Будучи русским по национальности, Эдуард Трескин вырос и долгое время работал в Казани, в татарской среде, а затем — в Чехии, где близко познакомился с особенностями чешской культуры. Благодаря богатому опыту в постижении различных культурных традиций размышления Эдуарда Германовича относительно сложного вопроса «о национальном» являются для нас очень ценными и актуальными.

— *Эдуард Германович, у Вас очень интересная творческая судьба. Расскажите, пожалуйста, кто наиболее всего повлиял на Вас как на человека и артиста? Какие знаковые встречи, знакомства можете вспомнить?*

— Мне вообще в жизни везло на встречи с замечательными людьми. Например, посчастливилось встретиться с таким великим деятелем культуры и искусства, как Нияз Курамшевич Даутов<sup>3</sup>. Он был выдающимся просветителем. Меня назвали Эдуардом в честь его персонажа. В 1944 году на экранах страны вышел фильм «Сильва» по оперетте Имре Кальмана. Его посмотрели миллионы. И, казалось бы, в стране идет война, женщины ходят в ватниках, не хватает еды, и вдруг на экранах появляется этот фильм, где предстает великосветское общество во главе с красавцем Даутовым. И когда я родился, моя мама, которая смотрела этот фильм в семнадцатый раз, сказала отцу: «Иди, запиши его в честь Эдвина». Но записали Эдуардом. Я помню, мне потом жена говорила: «Этот человек должен сыграть роль в твоей жизни». И, действительно, Даутов приезжает в Казань в качестве главного режиссера и принимает меня в театр. Я становлюсь его учеником. В последние годы его жизни у нас уже были настоящие дружеские отношения. Я о нем писал — и художественную прозу, и статьи. После его смерти я уехал в Прагу. Однажды меня позвали на рождественский концерт. Этот концерт был под Веной. Там был ресторан, в котором бывали многие знаменитости. В залах ресторана висят портреты Карузо, Марии Каллас, Одри Хепберн, Рудольфа Нуреева, и я там тоже есть. Я там пел как-то «Очи черные». И вдруг входит женщина — высокая, в роскошной шубе, в бриллиантах. Я сразу понял, кто это такая. Это была девяностолетняя красавица Вера Кальман, вдова Имре Кальмана<sup>4</sup>. Она позвала меня за свой столик, я рассказал о фильме «Сильва», и она сказала: «Да... Имре плакал два раза в жизни. Первый раз, когда я его бросила и ушла к друго-

му, а второй раз, когда в освобожденном Будапеште демонстрировали советский фильм “Сильва”». Через пару лет я присутствовал на похоронах Веры Кальман, и там я увидел гроб Имре Кальмана. Видите, как замкнулся круг: меня назвали в честь героя Кальмана, потом меня пригласил к сотрудничеству его прототип, Нияз Даутов, а потом я встретился с вдовой Кальмана. У меня есть рассказ об этом, называется «Имя». Люди гораздо больше связаны друг с другом, чем это может показаться на первый взгляд.

Большое влияние на меня оказало общение с композиторами-современниками, из которых особенно хочу выделить Рустема Яхина и Серафима Туликова<sup>5</sup>. Оба были выдающимися мелодистами. У Серафима Туликова много патриотических песен. Я пел с ним в 1980 году в Ульяновске. Это был Выездной пленум Союза композиторов СССР, приуроченный к 110-летию со дня рождения Ленина. Накануне концерта Туликов спросил меня: «Вы знаете песню “Ленин всегда живой”»? Я ответил: «Конечно знаю, ее все знают». И мы пошли с Туликовым репетировать. Помню, как он заиграл на фортепиано: он был прекрасным пианистом, у него были невероятно «поющие» руки, и он очень хорошо чувствовал певца. Мы тогда с успехом выступили, и после выступления, в коридоре, ко мне с поздравлениями подходит широкоплечий человек. Это был Тихон Хренников. Спустя много лет мне жена сказала: «Тебе бы тогда ответить ему: “Тихон Николаевич, ведь я же с Вами мечтаю работать!”» (*смеется*).

Мне повезло так же общаться с Назибом Гаязовичем Жигановым<sup>6</sup>. Он был уникальным человеком. Он был интуитивист. Он «видел» людей. У Жиганова был большой масштаб мышления. Он первым заметил талант Хайдара Бигичева<sup>7</sup>. Хайдар приехал из деревни в Казань, и его случайно услышал Жиганов. И сразу сказал: «Взять».

Накануне смерти Жиганова в Уфе было концертное исполнение оперы «Джалиль»<sup>8</sup>. Партию Джалиля исполнял Хайдар Бигичев. И Фуат Мансуров, который присутствовал в зале, рассказывал мне: «Вы не представляете, какой это был фурор, какой был успех. Публика сошла с ума от счастья. Это был настоящий триумф Жиганова!». И в эту ночь Жиганов не проснулся. Дай бог так каждому умереть. А ведь он вырос в детдоме. И несмотря на это смог добиться таких высот.

— *Эдуард Германович, расскажите, пожалуйста, о Вашем знакомстве и общении с Рустемом Яхиным*<sup>9</sup>.

— Я познакомился с Рустемом Хаджиевичем еще будучи молодым человеком. Его все знали, любили, обожали. Рустем Хаджиевич был ярчайшим представителем элиты. Исключительно интеллигентный, светлый, светящийся человек. Конечно, Яхин — это особое имя в музыке, и тем более в татарской вокальной музыке. Я не знаю певца, который бы относился к нему равнодушно. Я вспоминаю случай: я был в гостях у Нияза Курамшевича Даутова, и ему позвонил Рустем Хаджиевич и сообщил о присвоении звания Народного артиста СССР<sup>10</sup>. И Даутов сказал: «Ну, Рустем, ты давно этого звания достоин, ты давно вышел за рамки республики».

— *Удавалось ли вам музицировать вместе?*

— Да, мне повезло, я с ним пел однажды, под его аккомпанемент. Это было на юбилее Первой музыкальной школы имени Чайковского, которую закончил сам Яхин, а также София Губайдулина, Рауф Белялов, Михаил Плетнев. Я тоже закончил эту школу. Мы исполнили романс «В душе весна», я пел его на русском языке (*напеваает*). Чудесный, радостный, от этой музыки хочется жить.

Также у меня есть запись его романса на виниле, не помню название (*напеваает*)<sup>11</sup>. Это было очень импровизационно. Мы с Рустемом Хаджиевичем очень быстро нашли общий язык.

Рустем Хаджиевич говорил, что он хочет писать романсы на современную, высокую поэзию. Я ему сначала предлагал стихи моей жены Галины Свинцовой<sup>12</sup> — она известная поэтесса. Потом разговор зашел о стихах Евтушенко. А мы с Евтушенко были близкими друзьями, дружили целых сорок восемь лет. Яхин с восторгом откликнулся на эту идею, но в то время было трудно достать сборники его стихов. А у меня было много его сборников, и я дал Рустему Хаджиевичу двухтомник с автографом автора. Рустем Хаджиевич уже было что-то выбрал, но потом я уехал [в Чехию. — Л.С.], а Рустем Хаджиевич заболел. В последний раз мы с ним увиделись в больнице, где он лежал. Потом я уехал, и его не стало. И этот двухтомник остался где-то в архивах Яхина. Вот такая интересная судьба...

Рустем Хаджиевич хорошо понимал природу вокала. Есть великие композиторы. Например, Чайковский. Но я не могу сказать, что он очень понимал вокальную природу. Не случайно многие говорят, что Чайковского петь неудобно. Потому что он шел от инструментального начала, у него было симфоническое мышление. Говоря же о понимании вокального удобства — это

у него не так было развито. А Рустем Хаджиевич — он чувствовал. И с ним было очень удобно петь. Он знал, как дышать с певцом. Он не «гнал» свой темп, не подавлял солиста, это был настоящий дуэт. И он очень удобно писал.

— **Как Вы думаете, почему Рустем Хаджиевич не посвятил себя сольной карьере? Ведь он был замечательным пианистом.**

— Потому что на это нужно время, а Яхин ушел в сочинительство. Может быть, у него и было стремление выступать, но тогда он должен был поумерить свою композиторскую деятельность, а он этого не хотел.

— **Как Вы думаете, возможно ли превращение национальных черт в исполнительстве? Есть ли какие-то нюансы, особенности, которые выделяют вокалиста, воспитанного в татарской среде, от вокалиста европейского склада, который не знаком с этим большим пластом народного искусства?**

— Я думаю, да. Прежде всего, это генетическое наследие пентатоники. Пентатоника, на мой взгляд — это самый устойчивый лад в мире. Несмотря на то, что это очень древний лад, он еще не открыт по-настоящему для мира, хотя присутствует практически везде. Пентатоника — лад, который еще раскроет свои возможности, повлияет на музыку.

Говоря о татарской музыке, нельзя обойтись без слова «моң»<sup>13</sup>. Конечно, любая музыка это подразумевает. Но в татарской музыке это нечто особенное. Конечно, есть понятие «мелизмы», которое присутствует в музыке многих национальных культур. Но, все-таки в татарских народных песнях мелизмы имеют особое значение. Знаете, я сейчас сразу перекину «мостик». Об этом никто не писал. А я думаю, что это достойно, чтобы этим заняться. Возьмем искусство Шаляпина. Вот как поет Шаляпин? (*напеваает песню «Ой ты, ноченька»*). В оригинале написано ведь не так, как он поет. Это же моң, что-то очень близкое! А Шаляпин рос в Казани. Какую музыку он слушал? Русскую и татарскую. Он вырос среди этой музыки, он был пропитан ею. И у него это в исполнении русских народных песен проявилось как ни у кого. Ни один русский певец не поет народные песни так, как Шаляпин. Мелизматические распевы, которые он сочинял, добавлял при исполнении русских песен — это неотъемлемый элемент именно татарской народной музыки, которую Шаляпин воспринял на генетическом уровне, находясь в татарской среде. Нас воспитывали,

что на человека влияет народ. Но не на всякого он влияет. Надо быть восприимчивым. Шаляпин был восприимчивым.

— **Как Вы думаете, почему Яхин сосредоточился на камерной музыке?**

— Я думаю, это склад души такой. Внутренняя поэтика определяет масштаб. Есть такое понятие — лабильность. Мой консерваторский друг, который изучал это явление, сказал мне однажды, что у меня высокая лабильность и, как следствие, тяготение к камерным формам. А я об этом никогда не думал, я хотел в опере петь. Он говорит: «Ты в опере можешь петь, но крупная форма — это не твое. Это природа психики такая». И хотя я всю жизнь пропел в опере, спустя много лет понял, что он был прав.

Приведу один интересный случай. На одном Шаляпинском фестивале<sup>14</sup> пел знаменитый бас Александр Ведерников. Однажды я зашел в зал театра (там шла опера «Русалка»), а там сидит Александр Ведерников. Он спрашивает: «А вы что, ходите слушать оперные спектакли?». Я удивился этому вопросу, а он говорит: «Я-то пришел послушать коллегу, Борисенко<sup>15</sup>. А вы-то что? Я-то оперу ненавижу». Я подумал, что это у него шутка такая, ирония. Но потом понял, что он, наверно, сказал правду. Может, опера — это не его жанр? Но где еще с таким большим голосом реализоваться? В филармонии — невозможно. И он, конечно, пошел в оперу.

Или, например, вспоминаю Рената Ибрагимова<sup>16</sup>. На самом деле, его настоящего голоса никто не знает. Я знаю. У него был несравненный по красоте тембр. Но в восемнадцать лет он заболел, и голос пропал. Его вылечила моя будущая теща. Но в голосе осталась небольшая «трещина». Голос перестал лететь. Но это не помешало ему стать выдающимся певцом. Он мог бы петь в опере. Но его затащило в эстраду. Это совершенно разные манеры. Ведь и камерную музыку могут петь далеко не все. Кстати, это очень тонкий вопрос. Например, я всегда думал, что Елена Образцова не близка к камерной музыке. В ее голосе есть нотка металла. Но однажды я услышал ее живую. Она выступала с Важей Чачавой (в Казани, в зале Сайдашева), пела старинные романсы. Я был очарован ее исполнением!

А у Яхина, конечно, было явное тяготение к камерной музыке, и шло оно именно от его психики, от эмоциональной фактуры.

— **Да, и кстати, многие современники отмечали его интровертность.**

— Как человек он был невероятно тонкий, мягкий. Ему хотелось тишины. Он не был человеком деятельным, ему не хотелось быть в центре внимания.

— ***Исполняли ли Вы музыку Яхина за рубежом?***

— Нет, Яхина не исполнял. Исполнял Сайдашева<sup>17</sup>, романс «Ядран дингез» [рус. «Адриатическое море». — Л.С.]. У меня был очень интересный случай в жизни, который очень вовремя мне подвернулся. Я пять лет провел в море, на круизном судне, работал там артистом. Однажды мы доплыли до самой Антарктиды, и там я исполнил татарскую народную музыку: «Ай, былбылым» и другие песни.

— ***Чем для Вас наиболее ценна музыка Яхина?***

— В песнях Рустема Хаджиевича наблюдается удивительное слияние — татарского народного и привнесенного из мировой музыки. Как у Чайковского. Имя Яхина нельзя ограничивать рамками «татарского композитора». Он не татарский композитор, он композитор милостью Божьей. Татарские корни его напитали, а его образование и талант сделали его таким, каким он стал.

— ***Вы долгое время проработали в Чехии. По Вашим наблюдениям, есть ли у чехов сложности в понимании и исполнении русской музыки?***

— Здесь дело в языке. Потому что язык, как и музыка, определяет фразировку. Приведу такой пример: в Пражской национальной опере идет «Борис Годунов». Одну из партий поет русский певец — у него все понятно. Другую партию поет белорус — у него тоже все понятно, потому что он знает русский язык как свой родной. А третью партию поет чех — он старается, но что-то есть другое, неорганичное для русской музыки.

— ***А что это — что-то другое? Можете сформулировать?***

— Есть особенности исполнения русской музыки, которые понятны только русским исполнителям. Прежде всего, это касается эмоциональной сферы: особой задушевности и глубины чувств, правдивости интонации. Хотя бывают и исключения, когда иностранцы очень органично исполняют русскую музыку. Однажды я был на юбилейном концерте Ливайна. Там пела одна пара — она испаноязычная, а он американец. Они пели заключительную сцену из «Евгения Онегина». Это было блестяще! С таким пониманием вокала, с таким чувством и накалом! Или, напри-

мер, Шаляпин. Он исполнял итальянскую музыку так, как итальянцам и не снилось!

Хочу вспомнить еще один интересный опыт исполнения русской музыки в Чехии. Я ставил там оперу «Евгений Онегин». Это можно назвать музыкально-литературной композицией, то есть я включил в оперу еще и чтение стихов: восемнадцать страниц произведения Пушкина, которых нет в опере. Кстати сказать, этого очень не хватает в опере. Петр Ильич не зря назвал оперу «сценами». Там есть такие фрагменты, которые «свинчивают» оперу. Мне встретился в Праге Аронзон<sup>18</sup>, знаток Пушкина. Он когда услышал, сказал: «Как это интересно! Мне, как и Набокову, всегда не хватало в опере этого пушкинского стихотворного “ветра”».

Это была моя задумка. На сцене минимальные декорации и большой экран-проектор. Я выходил в образе Пушкина и между музыкальными номерами читал стихи. У меня не было хора, но я заменял его записями. А на другом конце сцены сидела Татьяна, читала письмо Онегину. И в этот момент я преображаюсь: откладываю микрофон и становлюсь Онегиным, пою. А публика же этого не ожидает.

Однажды мы ставили этот спектакль в одном из городов Чехии. И там, по рассказу моей жены, была одна чешка, которая, услышав русскую речь, начала ругаться, мол, «я ничего не понимаю на русском». Я уже предвидел такие вещи. Поэтому письмо Татьяны читалось на чешском языке, так же, как и письмо Онегина. Таким же образом я хочу сделать в Казани: чтобы письма Татьяны и Онегина читались на татарском языке. Это было бы очень здорово!

— ***А Вы сталкиваетесь с какими-либо трудностями при исполнении татарской музыки?***

— Трудностей нет. Мне татарская музыка очень близка, потому что я родился в Казани. И хотя меня в детстве не воспитывали в приближенности к татарскому языку, но, когда я возвращался в Казань, приезжал на вокзал, там громко звучала татарская музыка. И я сразу понимал, что я на родине, что это свое. Вот есть понятие — «свое». Я пел в татарской опере: исполнял партии в опере «Алтынчеч» [«Златоволосая». — Л.С.]. Жиганова и в опере Хуснуллы Валиуллина «Самат». Как потом отзывались слушатели, акцента слышно не было. И пел «Адриатическое море» Сайдашева. Мне нравятся некоторые особенности татарского языка. Например, звук «ә». Это

звук, который выводит гласную вперед и создает резонанс.

— **Как Вы оцениваете современное состояние татарской культуры?**

— Сейчас наблюдается взлет. На мировых сценах можно услышать целый ряд татар-вокалистов: Альбина Шагимуратова, Аида Гарифуллина, Альбина Латипова, Ильдар Абдразаков. Много хороших певцов. Исторически так сложилось, что татарам удалось сберечь свой фольклор. И именно фольклор в сочетании с языком дал татарским певцам возможность освоить нечто особенное, неповторимое. Надеюсь, что татарская культура будет и дальше процветать и профессионально расти.

— **В заключение беседы хочу спросить: что для Вас музыка?**

— Дело в том, что мы до конца не знаем, что такое музыка. Это что-то космическое. Вы, наверное, знаете, что звезды и планеты имеют свои голоса и тональности. Вибрациями пронизано все. Когда ты занимаешься вокалом, дивишься тому, что не знал этого раньше. Особенно, когда преподаешь. Говорят, что певцу нужно две жизни: одна — чтобы учиться, а другая — чтобы петь. Но для меня большое счастье, что я по сей день имею возможность и силы петь.

### Примечания

<sup>1</sup> Эдуард Трескин — певец, режиссер, писатель, Народный артист Татарстана (1987). В 1974–1976 гг. — солист Татарской государственной филармонии. С 1976 года — солист Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М. Джалиля, с 1992 года — солист Государственной оперы Праги и Национального театра Чехии.

<sup>2</sup> Интересно, что несколькими десятилетиями ранее, в 1958 году, Казанский университет (исторический факультет) окончила Светлана Назибовна Жиганова (1936–1998) — певица (меццо-сопрано), педагог, заслуженный деятель искусств ТАССР (1979 г.), дочь Н. Г. Жиганова. После окончания университета Светлана Назибовна поступила на вокальный факультет Казанской консерватории, став впоследствии профессором кафедры оперной подготовки.

<sup>3</sup> Нияз Курамшевич Даутов (1913–1986) — оперный певец, театральный режиссер, педагог. Народный артист РСФСР (1957), лауреат Республиканской премии имени Габдуллы Тукая (1958).

<sup>4</sup> Вера Кальман (урожденная Мария Мендель-

сонс) (1907–1999) — австрийская актриса, писательница. Родилась в еврейской семье в Перми, после революции вместе с матерью эмигрировала из России. Жили в Бухаресте, затем в Вене. После эмиграции изменила свое имя и фамилию, стала называться Верой Макинской. Как актриса Вера Кальман известна своими ролями в фильмах «Пэ-рис Актуэль» (1966), «Цвишенмахлзайт» (1963) и «В. И. П.-Шаукель» (1971). Также она сыграла статистку в немом классическом фильме Фрица Ланга «Метрополис».

<sup>5</sup> Серафим Сергеевич Туликов (1912–2004) — советский и российский композитор, пианист. Народный артист СССР (1984). Известен, главным образом, как автор свыше 470 песен.

<sup>6</sup> Назиб Гаязович Жиганов (1911–1988) — выдающийся советский татарский композитор, педагог, общественный деятель. Народный артист СССР (1957), Герой Социалистического Труда (1981).

<sup>7</sup> Хайдар Аббясович Бигичев (1949–1998) — певец (драматический тенор), солист Татарского театра оперы и балета имени Мусы Джалиля. Народный артист Татарской АССР (1980), заслуженный артист РСФСР (1986), лауреат Государственной премии Татарской АССР имени Габдуллы Тукая (1984).

<sup>8</sup> Исполнение оперы (в новой редакции) состоялось 1 июня 1988 года в рамках Дней литературы и искусства ТАССР в Башкирии.

<sup>9</sup> Рустем Мухаметхазеевич Яхин (1921–1993) — татарский композитор, пианист, педагог. Народный артист СССР (1986). Заслуженный деятель искусств Татарской АССР (1964).

<sup>10</sup> Это звание было присвоено Р. М. Яхину в 1986 году.

<sup>11</sup> Речь идет о романсе «Встреча невесты», который был записан Р. М. Яхиным и Э. Г. Трескиным в 1988 году.

<sup>12</sup> Галина Викторовна Свинцова (род. 1947) — журналист, поэт, переводчик.

<sup>13</sup> «Моң» — это непере译имое понятие, отражающее национальную особенность татар, мировосприятие, присущее только этому народу. Передает тоску, печаль, лиризм, меланхолическое состояние души.

<sup>14</sup> Международный оперный фестиваль имени Ф. И. Шаляпина (Шаляпинский фестиваль) — ежегодный международный музыкальный фестиваль в Казани. Один из старейших в стране, проводится с 1982 года на сцене Татарского академического государственного театра оперы и балета

им. Мусы Джалиля.

<sup>15</sup> Петр Владимирович Борисенко (род. 1975) — российский актер оперетты и певец (тенор), Заслуженный артист России, солист Московского театра оперетты.

<sup>16</sup> Ренат Исламович Ибрагимов (1947–2022) — советский и российский эстрадный певец (бас-баритон), актер, композитор, продюсер, кинорежиссер.

<sup>17</sup> Салих Замалетдинович Сайдашев (1900–1954) — татарский композитор, один из основоположников татарской профессиональной музыки. Народный артист Татарской АССР.

<sup>18</sup> Леонид Львович Аронзон (1939–1970) — русский поэт. Один из лидеров поэзии ленинградского андеграунда 1960-х годов.

#### Список источников

1. Беляева К. С. Феномен россиян – «Шестидесятников»: попытка идентификации // Вестник МГУКИ. 2015. № 3 (65). С. 65–71.
2. Игнатова М. П. «Физики» и «Лирики»: две культуры вчера и сегодня // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2015. № 3. С. 17–20.
3. Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Исторический словарь. 2-е изд. М.: Проспект, 2012. 591 с.
4. Евтushenko Е. А. Волчий паспорт. М.: Вагриус, 1998. 574 с.
5. Эдуард Трескин. От физики до лирики один шаг. URL: <https://kpfu.ru/news/analitika/eduard-treskin-ot-fiziki-do-liriki-odin-shag-73287.html> (дата обращения: 16.02.2025).
6. Поющий интеллектуал Эдуард Трескин. URL: <https://proza.ru/2024/06/28/1184> (дата обращения: 16.02.2025).

#### References

1. Belyaeva, K. S. (2015), “The phenomenon of Russians – “Sixties”: an attempt at identification”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 3 (65), pp. 65–71.
2. Ignatova, M. P. (2015), “‘Physics’ and ‘Lyrics’: two cultures yesterday and today”, *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, no. 3, pp. 17–20.
3. Orlov, A. S. and Georgieva, N. G. and Georgiev, V. A. (2012), *Istoricheskij slovar'* [Historical Dictionary], 2nd ed., Prospekt, Moscow, Russia.

4. Evtushenko, E. A. (1998), *Volchij passport* [Wolf passport], Vagrius, Moscow, Russia.
5. Treskin, E. (2014), “One step from physics to lyrics”, available at: <https://kpfu.ru/news/analitika/eduard-treskin-ot-fiziki-do-liriki-odin-shag-73287.html> (Accessed 16 February 2025).
6. “The singing intellectual Eduard Treskin” (2016), available at: <https://proza.ru/2024/06/28/1184> (Accessed 16 February 2025).

#### Информация об авторах

Шайхутдинов Р. Р. — кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой фортепианного искусства, профессор, заслуженный деятель искусств Республики Башкортостан

Сафина Л. Р. — лауреат всероссийских и международных конкурсов, концертмейстер секции концертмейстерского мастерства

#### Information about authors

Shaykhutdinov R. R. — Candidate of Art History, Head of the Piano Art Department, Professor, Honored Artist of the Republic of Bashkortostan

Safina L. R. — laureate of national and international competitions, concertmaster of the Concertmaster section

#### Вклад авторов

Шайхутдинов Р. Р. — разработка концепции исследования, формирование идеи, развитие ключевых моментов концепции, проведение исследования, проведение исследований, сбор данных и доказательств, анализ и интерпретация полученных данных, написание текста, утверждение окончательного варианта статьи.

Сафина Л. Р. — участие в разработке концепции исследования (формирование идеи, развитие ключевых моментов концепции), написание текста (составление черновика рукописи, внесение замечаний интеллектуального содержания), утверждение окончательного варианта статьи (принятие ответственности за все аспекты работы, целостность всех частей статьи и ее окончательный вариант).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

#### Contribution of the authors

Shaykhutdinov R. R. — development of the research concept (formation of an idea, development of key points of the concept), conducting research (conducting research, collecting data and evidence,

analyzing and interpreting the data obtained), writing a text (drafting a manuscript, making comments of intellectual content, preparing and creating a published work), structuring and formatting the text, approval of the final version of the article (taking responsibility for all aspects of the work, the integrity of all parts of the article and its final version).

Safina L. R. — participation in the development of the research concept (formation of an idea, development of key points of the concept), writing the text (drafting the manuscript, making comments of

intellectual content), approving the final version of the article (taking responsibility for all aspects of the work, the integrity of all parts of the article and its final version).

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.02.2025; одобрена после рецензирования 21.03.2025; принята к публикации 01.04.2025.

The article was submitted 16.02.2025; approved after reviewing 21.03.2025; accepted for publication 01.04.2025.